
Константин Смольняков

СКОТОПРИГОНЬЕВСК И ГРАД СВЯТОЙ ИЕРУСАЛИМ*
(продолжение)

Отождествить Скотопригоньевск, т.е. символ всей России (Старую Руссу, как ее исток, или второй тем самым Палестины), — с Иерусалимом Достоевский всячески пытался через описание событий в «Братьях Карамазовых», в том числе топографически увязывая между собой названные здесь города. И основанием для этого ему вполне способно было послужить (на что указывалось нами в предыдущей статье) разительное сходство планов древнего Иерусалима и Старой Руссы, современной для писателя¹. Помимо общих очертаний, внутренней структуры, где можно выделить почти правильный прямоугольник и вписанный в него крест, благодаря пересечению двух главных улиц в Иерусалиме (о чем упоминает, например, игумен Даниил в своем «Хождении...»)², а в Старой Руссе — протекающих здесь рек³, оба плана обнаруживают близость в основных своих деталях (расположении холмов, протоков и т.д.). Это сходство отмечает, хотя бы и подспудно, Достоевский, благодаря чему нам раскрывается евангельская сущность действия романа, той или иной его конкретной сцены.

Так, например, явление среди «верующих баб» одной из них, с ребенком на руках, предвозвещает нам после кончины старца вознесение его по образу Христову — в сретение Богу. И объясняется подобное как раз приходом этой бабы из села, здесь названного не случайно Вышегорьем, расположенного в шести верстах от мона-

---

* Печатается в авторской редакции.

стыря. На таком же расстоянии от Косинской обители, но только возле Старой Руссы, находилась при жизни Достоевского деревня Бряшная Гора, географически совпадающая (при сравнении двух планов) с Елеоном⁴: по замечанию того же автора «Хождения...», самой высокой среди гор в окрестностях Иерусалима. Где и случилось Вознесение Христа.

Баба эта, можно предположить, являет собой Богоматерь, верней — Ее отображение, сестру, о чем свидетельствует имя младенца (составляющего с матерью одно целое) — Лизавета. Противоречием тому, или картине зримого пророчества отцу Зосиме, казалось бы, являются слова все той же бабы, наоборот, ему сулящие «дни долгой жизни безмятежной». Но, как и в случае с Катериной Ивановной, уверенной в выздоровлении Ивана (15; 185), это означает в данных обстоятельствах совсем противоположное, иное, сбывающееся «в духе» (как и в судьбе — Раскольникова⁵ или, например, Смешного человека). Поэтому слова «верующей бабы», высказанные старцу, о неких длительных годах дальнейшей жизни, на самом деле приуготовляют его к смерти и вознесению потом на небеса⁶, при этом выражая скорбь по поводу разлуки⁷. Как в обращении Богоматери Спасителю перед Распятием, которую приводит также у себя игумен Даниил (из песнопения заутрени Великой Пятницы): «Куда идешь <...>, чего ради течение скорое творишь? Разве на другой брак в Кану Галилейскую стремишься <...>?»⁸ Что и свершилось подлинно с отцом Зосимой.

Его вознесение в небесную светлицу, а за ним — Алеши, и возвращение последнего затем обратно в том же месте, словно он Мессия, пришедший так, согласно Библии, по окончании времен (Зах. 14:4; Деян. 1:11, 12), чтобы собрать всех праведников воедино^{**}, как это происходит символически в конце романа, — все перечисленное здесь, по-видимому, заставляя уподобить расположение обители сего послушника и старца (Косинского монастыря в реальной Старой Руссе) также Елеону⁹.

Соединение двух разных мест, — что производит, например, мечтатель из подполья, перенося туда, куда ему угодно, озеро в своем воображении (5; 134), присваивая право для себя на произвол Всевышнего, Творца и совершая собственное чудо, — в рома-

---

^{**} Преображая их общественную жизнь, языческую сущность государства — в Церковь.

не «Братья Карамазовы», имеет все-таки совсем иной характер. Она лишь выявляет, собственно, присутствие Господне в мире, соприкосновение с иной реальностью, как и во сне, где по замечанию Смешного человека, отменяются границы, пространства и времени, различных планов бытия. Мертвые лежат в гробу и вместе с тем общаются с живыми, восстав духовно, в запредельном свете, что видит и Алеша, находясь при этом здесь и там.

Подобный «сплав» возможен в повседневной жизни, благодаря проникновению сюда Всевышних сил, которым подражает Митя, преодолевая все заборы¹⁰ (даже несмотря на запертые двери, строгую охрану) или расстояния — на бешено летящей «птицетройке», почти одновременно появляясь всюду, вызывая ужас, как и Спаситель после Воскресения¹¹, когда Он Собою заставляет происходить любые из событий сразу в нескольких местах, благодаря чему неслиянно делая их единым местом. В Ветхом Завете Бог-Отец, как Вездесущий, таким образом друг с другом совмещает Сион и Храмовую гору, с ними — весь Иерусалим. А в Новом соответственно Сын Божий — Свои «начала и концы», иначе говоря, ту местность, где Он появился как Мессия, и другую, откуда удалился, восходя на небеса: или тем самым Галилею — с Масличной горой. Достоевский, опираясь на авторитет Священного Писания, такой подход осуществляет по отношению к тому, что он считает Новым Иерусалимом, или представленному им в романе городу, вернее, этим в нем подчеркивая названное сходство, как и у всей окрестности вокруг, приравнивая ее в целом к Палестине.

Край, что расположен к северу от Старой Руссы, возле Ильменя (сопоставимого с Генисаретским озером)¹², можно сравнить, тем самым, с Галилеей, или такой же северной окраиной Святой земли. Тем более, что здесь (иначе — в селе Мокром, согласно действию романа)¹³ живет весьма похожий на тот беднейший некогда, во времена Спасителя, народ, при этом состоящий из «каких-нибудь темных, темных и нехитрых» «сущств» (14; 327). Причем настолько, что как бы символом всех этих мест или столицей названной округи становится — столь знаменательно — некий условный город Черни. Откуда возвращаются Калганов и Максимов, вновь попадая здесь во тьму, в прямом и переносном смысле, подобную «египетской», т.е. разгул в ночи языческих страстей, присущих также Галилее, стране, живущей в «тени смертной»¹⁴, как сказано об этом в Библии (Ис. 9:1—2; Мф. 4:15—16). Однако и там, и там воссияет свет, согласно

данному обетованию, ибо, когда «умножилась» греховность, «преизобиловать», напротив, «стала благодать» (Рим. 5:20). Недаром — тут же, в Назарете, как известно, воплотилось Слово, рожденное в дальнейшем, как звезда, среди мрака ночи в Вифлееме. А потому и Достоевский у себя объединяет оба эти места, называя их селом Рождественским. Откуда у него, как некогда волхвы, т.е. носители предшествующей мудрости, являются с поклоном, прославляя и признавая этим превосходство над собой чего-то нового и величайшего, еврей-музыканты, но теперь — на брак, происходящий в Кане Галилейской, или вернее — селе Мокром.

Туда отправилась на тройке Грушенька, и Алеша, прямо сравнивая с тем, что он слышал из Евангелия возле гроба старца, ей предрекает ту же радость, на самом деле и случившуюся с ней. Пусть поначалу также в виде — «худшего вина», или тем самым — прежнего из женихов, не зря поэтому и заказавшего к столу какие-то скверные наливки (как бы в эмблему старого и отживающего мира прежней католической, и в целом — западной идеи, стремительно идущей вслед ветхозаветной Церкви). А затем Грушенька смогла вкусить чего-то несравненно лучшего, когда чудесным образом, словно в Эммаусе, у ней отверзлись очи, дав возможность увидеть или, точнее, — духовно распознать сидящего здесь рядом за столом другого, подлинного жениха. Что превращает скуку, будто воду, — в новое вино, или шампанское, как символ «живой жизни». Преумножая радость так же, как во время пира в Кане Галилейской или в известной притче (Лк. 14:6—24), для простых и немудрящих гостей¹⁵, в том числе по просьбе Грушеньки, однако Митя вместе с ней стремится и совсем к иному. Т.е. — очищению, преображаясь, словно на г. Фавор¹⁶, и возносясь навстречу Богу. Что как раз переживает Грушенька во сне и наяву, когда ей видится, по сути, собственная смерть, или успение — по образу Пречистой Девы, Богоматери. А потому с собою вместе предстает ей и кончина всей земли, покрытой белым саваном и обращенной в Мертвый дом, или Сибирь, где прекращаются по звуку колокольчика¹⁷ все песни, пляски, наступает тишина и неподвижность. Только лишь в морозной чистоте куда-то едут сани вдаль и устремляясь ввысь, а в них лежит невеста, будто в забытии, и прижимаясь к жениху, который и возносит ее вверх, в своих объятьях — в мир иной.

Тем самым Галилея, и конкретно — город Кана в ней, или в ро-

мане — село Мокрое, становится вполне закономерно также Елеоном наряду с обителью о. Зосимы¹⁸. Последняя недаром оттого собою представляет сад или «долину роз», как образ все того же рая. Таковой являет и усадьба, дом Карамазова-отца, где есть поэтому свой сад¹⁹, вполне сопоставимый с Гефсиманским, в целом — с Масличной горой. Достаточно сказать, что здесь, как и в Вифании, живет такой же Лазарь, т.е. Федор Павлович: помимо прочего, уже хотя бы потому, что о его кончине возвестили Марфа и Мария, ближние ему, или служанка и соседка²⁰.

Библейский образ Лазаря-четверодневного, по-видимому, Достоевский полагал предтечей Самого Христа, «единого, безгрешного», что нам когда-то уподобился во всем, за исключением греха, беря, однако, на Себя при этом целиком и всю греховность мира, а потому Он не случайно вместе с тем — се Человек²¹, «могущий снисходить невежествуящим» или «заблуждающим», поскольку «сам обложен немощью» (Евр. 5:2)²². По сути, то же самое вослед Ему свершает князь Мышкин, постоянно вовлекаясь в эту жизнь со всеми ей присущими делами, их ненавидя и любя как радости «каких-нибудь простых существ», а потому и принимая на себя^{***23}, все, в земной жизни усвоенное им, распиная это и сам распинаясь на кресте. Ибо «он должен» как за весь «народ», так одновременно «и за себя приносить жертвы о грехах» (Евр. 5:3), сам погибая при этом. И, казалось бы, — навечно, навсегда, как и Христос (не только на картине у Гольбейна) или, например — отец Зосима, не подающие каких-либо надежд на воскресение и будущее прославление, оставленные полностью Всевышним, спрятавшим «свой перст», наоборот — их целиком унизившим и сокрушившим²⁴, словно Иова²⁵, неизлечимого и обреченного, без всякого сомнения, больного. Поэтому Алеша с недоумением вначале видит старца среди званных на пиру в небесной Кане Галилейской, или среди таких же темных, недостойных будто бы, на первый взгляд, людей, как сам «пропахший». А последний сочетает в себе сразу, и недаром, оба из вышеприведенных образов: Христа и Лазаря-четверодневного, их совмещая, таким образом, как нечто родственное, братское друг другу. О чем свидетельствует также и сплетение мотивов, их взаимоналожение. Таких, как, например, — опять-таки

*** Так что, подобно всякому подвижнику, изображает собой внутренне «две бездны».

«тлетворный дух» (нам указуя на второго, т.е. Лазаря). И вместе с тем — «предупреждение» при этом естества (нас отсылая к Первому, что умер на кресте до срока — Мк. 15:44).

Федор Павлович, глава семейства Карамазовых — чей сын Смердяков не только по матери, но и по отцу, который, собственно, и есть тот самый «восмердевший», — поэтому в себе несет черты Спасителя одновременно со старцем. Его сопровождают оттого в какой-то мере те из обстоятельств и событий, что и Христа на Елеоне. В частности — предательство Иуды, казалось бы — самого верного слуги, навлекшего, наоборот, убийцу, открыв и доступ к жертве, вместо целования — посредством тайных знаков, и все это — за 30 сребреников в виде платы²⁶ (возвращенных далее с раскаянием обратно). Вполне является к тому же характерной в этом смысле, видимо, и сцена общего — притворного или на самом деле²⁷ — усыпления вокруг, что разрешается бессильным, запоздалым жестом одного из приближенных²⁸, павшего, однако, здесь незамедлительно — во исполнение пророчества, поскольку поднял «меч»²⁹.

События, происходившие на Елеоне при Мессии некогда, собою дополняет также Митя, на себе несущий (уже хотя бы потому, что Карамазов, т.е. покрытый «смрадом», «грязью»³⁰, или тот же Лазарь), помимо прочего, столь несомненно, отображение Христа. Старший брат (который дан вместо отца и, следовательно — Бога) рассказывает младшему о будущей кончине мира. Для чего — цитирует начальные стихи из оды Шиллера. А также говорит о помрачении в любом из развитых, цивилизованных людей, т.е. прошедших путь земной истории духовно до конца, первоначального Божественного идеала Красоты и замещении его противоположным, демоническим.

Последнее в дальнейшем Митя раскрывает, но уже в другом, казалось бы, отнюдь не сходном месте — в городской тюрьме, в то время находившейся возле Успенской церкви³¹, потому собою напоминая все-таки и Масличную гору. «На которой» он говорит с горечью, недоуменно о новейших «философиях», что «убивают Бога». Или — науке, разуме вместо религии, Христа, Его собою вытесняющих, являя ложное подобие (под именем «Бернара», т.е. современного Антихриста)³². Все это дополняется картиной, как и предсказывал Спаситель вновь на Елеоне, разрушения святилища, того же Храма, в целом — пресвятого Града (Лк. 19:37, 41—44),

или в данном случае, в видении у Мити в селе Мокром, соответственно — деревни, что сгорела в пламени страстей не только Смердякова, но также всех идущих вслед ему.

Вторичное явление Мессии в мир, следуя пророчеству Захарии (Зах. 14:4), вначале принесет лишь усиление того, что было некогда при возведении Вавилонской башни, и о чем Он говорил на Масличной горе и в Галилее прежде. Или, таким образом, — о «разделении», с собой несущем неизбежно «меч» (Лк. 12:51), когда один другого предаёт на смерть, «брат брата» и отец при этом — сына. Вместе с тем тогда «восстанут дети на родителей и умертвят их» (Мф. 10:21), ибо «столкнулись лбами трое, а ты, пожалуй, и четвертый» (14; 74): в доме, там, где пятеро, среди которых «трое против двух, и двое против трех» (Лк. 12:52). К тому же обострятся и болезни, берущие свое начало здесь, а потому упоминаемые рядом (Мф. 24:7): «мор» (тем более, что такова — созвучная сему недугу^{****} — литературная, «шиллеровская» фамилия карамазовского семейства), иначе — в переносном смысле — страшное обособление, словно во сне Раскольникова. Продолжая дальше — «голод», как отсутствие духовной пищи по причине отделения от Бога и других людей (который испытывает, например, Иван, подобно Свидригайлову, ища утех в разврате). И вследствие того — «землетрясение», «Геологический переворот»: в стремлении добыть источник жизни, извлекая «корень», или, напротив, низводя «огонь с небес». Но только — для себя, во имя самовозвышения, уничтожая все вокруг. В конечном счете это приведет, как и в конце романа, к запустению жилища, родового дома³³, в духовном смысле — разрушению его (Лк. 11:17), подобно всей земле по окончании времен. А вместе с ней, и как пролог тому — Иерусалима, когда его обложат полностью враги, такие же, как Митя на своем «секрете». И придет Мессия, словно «тать» (а в данном случае, конкретно — Смердяков), чтобы рассечь «домоправителя» (его главу)³⁴. Или того — кто не заботился о слугах, детях, только бил их³⁵, ел и пил, и напивался (Лк. 12:42—46), будто бы — во времена перед потопом с их неперменной жаждою жениться, с этой целью наполняя закрома — в желании прожить в довольствии как можно дольше³⁶. Чему, однако, воспрепятствует, как в притче, ангел смерти, или такой же смрадный бес, одновременно — член семейства

**** Названию сего недуга.

или дома.

Конец времен, помимо взаимного уничтожения сил зла³⁷, должно еще к тому же привести, наоборот, и к укреплению противоположных сил — добра. Как это чувствует, к примеру, — Митя, который даже оттого стремится в преисподнюю, чтобы усилить там в борьбе с началом тьмы и отрицания свое собственное «я» — в его благой и светлой сути. Для него подобное и началось уже в виде соблазна всяческих теорий — в городском остроге, или вновь на Елеоне, что разошелся на две части (благодаря Ракитину и Мите), будто бы при появлении Христа. А для Алеши таковой соблазн случился там же, но в обители (вдруг откровенно резко и открыто разделенной), преодолев который, он и стал, как сказано, «твердым на всю жизнь бойцом». В дальнейшем, «оседлав» семейный грех, а также и другой, внушенный мальчикам через Илюшу Смердяковым, т.е. «Валаамовой ослицей», Алеша не случайно оттого въезжает, как бы с Масличной горы, при криках и восторженных приветствиях детей³⁸ в известной сцене в новый, духовно им устроенный Иерусалим³⁹.

Тем самым Митя (освященный к тому же образком от мощей Варвары-великомученицы) и Алеша (недаром оказавшийся в своем видении на свадьбе Жениха) относятся к числу так называемых «благоразумных дев» — в отличие, напротив, от Ивана, что сравнивает сам себя с той неразумною невестой, которая кричит: «Захоцу — вскоцу, захоцу — не вскоцу» (15; 116). И это потому что в нем по-настоящему нет веры, проистекающей отсюда «живой жизни» (ибо он — «могила»), или того «масла», вместе с тем — «вина». Вот почему Иван так горячо завидует своему брату Мите, исполненному им, в своем обновленном виде, — будто «новые меха». И одновременно — тот пьяница: кому легко запеть хвалу Всевышнему, гимн Богу, далее — пойти Ему навстречу⁴⁰, словно опять-таки «благоразумная невеста», не ожидая «Ваньки», т.к. он «уехал» вместо вышнего Иерусалима «в Питер» (тамошнее смрадное болото)⁴¹. Наряду с Иваном к «неразумным девам» принадлежит, конечно же, и ученик его, последователь Смердяков, который иллюстрирует собой, помимо все той же притчи о десяти девах (Мф. 25:1—12), и другую, рассказанную вместе с ней на Елеоне, — «о талантах» (Мф. 25:14—30). Последняя была представлена во время спора в доме Карамазова-отца, в виде утверждения о том, что нечего трудиться там, где Бог «не сеял» и не дал веры «с горчичное зерно» — «та-

лант», хотя на самом деле его лишь спрятал в землю обладатель — «лукавый и неверный раб». И чтобы он мог «прорасти» оттуда и в дальнейшем дать свой плод, для этого необходимо умереть, как солдат Фома Данилов, упоминаемый в этой связи. Однако всякого, кто не последует сему пути, как и «бесплодную смоковницу» возле дороги с Елеона (Лк. 21:17—19), «Бог убьет», подобно Смердякову⁴², даже внешне высохшему, словно та, еще при жизни.

Таким образом, дом и семейство Карамазовых, как символ всей России, где будет вновь пришествие Христа, собою представляет оттого (во образе двух полюсов Красоты) все то же раздвоение. В нем можно выделить свой верх и низ — в лице Алеши-ангела и беса-Смердякова, а также левое и правое, т.е. сторонников ветхозаветной Церкви с ее «твердым, благодетельным законом» (или аналогом его — цивилизацией) и Новой, стоящей на путях свободы. Первую из них (как и наследницу ее, иначе — Католическую церковь) собою отражает автор притчи о Великом инквизиторе — Иван, лишь только внешне нравственный и чистый, тот же фари́сей, «сокрытый гроб» и «сфинкс», что задает всем парадоксы и загадки, губя и совращая. А вторую, несомненно, — Митя, покрытый столь любимой им зловонной грязью, один из «малых сих», или тех самых жалких, слабосильных и презренных из бунтовщиков⁴³, который смог, однако, вопреки положенным пределам, «математическим» или естественным законам, все-таки переродиться, «внутри себя» достигнув Царствия Небесного⁴⁴, в том уподобившись апостолам, таким же «темным и нехитрым существам», и Самому Христу, сравнивавшемуся с ними (по словам отца Зосимы), о Ком спрашивали некогда: «Не плотников ли Он сын? <...> откуда же у Него все это?» (Мф. 13:55—56).

Следуя Ему и повторяя Его образ в собственной судьбе, недаром Митя оттого в саду, иначе — снова как бы в Гефсимании, не только повествует о последних временах, но и пытается их вместе с тем предотвратить, уча молитве, сходной с «Отче наш...», произнесенной, по преданию, на Елеоне: «Слава Высшему на свете, / Слава Высшему во мне!» (14; 96)⁴⁵ (т.е. на небе, как и на земле). Тем самым, он не только призывает к установлению Его порядка (о чем свидетельствует эта же молитва в другом месте — 14; 366), но и к милости: «о хлебе насущном» (что в себя включает и земные блага). В частности — по отношению к себе⁴⁶ — о таких необходимых для него трех тысячах, прося о них у Бога как о чуде и этим добива-

ясь избавления от всех возможных искушений. Иначе — Митя иступленно молит устранить с его пути то самое «страшилище судьбы» и мимо пронести него столь ужасающую чашу. Последнее он произносит далее буквально и в таком же «библейском» месте, т.е. в селе Мокром (14; 394). Здесь происходит вслед за этим также, будто бы на Елеоне, и взятие его под стражу. (При участии владельца постоянного двора, Трифона Борисыча, подобного Иуде вора, лицемера, который подготовил непосредственно арест под руководством тех, чье время наступило ныне. Или, как сказано, — «власть тьмы». Время тех, кто не решался сделать это прежде, хотя и находился постоянно рядом, видел каждый день, как и старейшины, первосвященники — Христа.)

Пытаясь избежать таких, казалось бы, невыносимых мук, сжигающих его, как некогда Исайю, словно угли изнутри (о чем и говорится прямо в тексте — 14; 396), все-таки Митя их принимает — в ту же ночь, после моления о чаше, там же, в селе Мокром, следуя Спасителю в своем неожиданном стремлении взять на себя всю скверну мира. И понести ответственность за это. Более того — осознает всю благодетельную силу для себя страданий, способных, распиная, преодолеть в нем ветхого и вызвать к жизни нового человека. В селе Мокром, или Бургах (15; 455) Мите, как когда-то пророку Моисею в «буре» (Евр. 12:18), было явлено откровение истины. Над ним также «грянул» «гром» (14; 458. Исх. 19:16), он услышал призыв к любви по отношению к Всевышнему и человеку. Как пророку Исайте (с кем Митя тоже имеет сходство), — в образе Бого-младенца: поэтому «все — дети», за которых и пойдет отныне Митя, спускаясь в преисподнюю, как некогда Мессия, всех возрождая и спасая, извлекая к свету, согласно той, услышанной легенде, народному преданию⁴⁷, а также и евангельским словам: «Всех привлеку к Себе» (Ин. 12:32)⁴⁸. Тогда, вослед подобному соединению с землей «начатка» общего спасения произойдет и нисхождение небесной Церкви, Ее вступление во время пира в новой Кане Галилейской в брак с Превечным Женихом. После чего наступит, воцарится «в финале мировой истории» — воспетая все в тех же одах «Элевзинский праздник», «К радости» — вселенская гармония, ради которой в жертву принесен был Агнец, или то самое «дите».

Во имя названной великой цели такой же участи подвергся добровольно для себя ее принявший Митя, иначе — «малый все одно ребенок». Готов к ней приобщиться и Алеша⁴⁹, «тихий мальчик»,

свершая в целом путь подвижника по воле старца, перед этим испытывав не только искушение апостолов, бежавших с Елеона вследствие соблазна о Спасителе, но также через них, Его учеников, сомнения Христа по поводу того, что Его Бог оставил, «сокрыл лицо», или Свой спрятал «перст». Далее Алеша попал на пир, устроенный с несправедною целью для него Ракитиным, или тем самым фарисеем, проклятым Симоном⁵⁰. Последним — в своем доме, что на Масличной горе: как вышеназванным, который чувствует себя по родственному праву здесь почти хозяином — у Грушеньки, живущей возле Симоновского переулка⁵¹, а потому — как бы в Вифании, на Елеоне⁵². Она (т.е. сестра, как и в евангельском сюжете, Лазаря-четверодневного (Ин. 12:1—7), смердящего, но только лишь еще не воскрешенного)⁵³ собою представляет в данном случае Марию Магдалину⁵⁴ в слезном покаянии и сокрушении душевном. Из которой Алеша изгоняет бесов, что подтверждает даже и Ракитин (14; 324). А Грушенька, вдруг оказавшаяся «выше всех любовью» (конечно, не случайно, ибо «много возлюбила»), дарует Алеше, будто апостолу Фоме, утраченную веру в своего наставника, учителя (поскольку та и происходит из любви). А значит — в воскресение его, тем самым — ранее других в себе как откровение все это ощущая (в дальнейшем зримо проявившееся, наконец, в Алеше). Более того, она, как и блудница из Евангелия, вовсе не пожелала погубить удобную ей жертву, ослабленную внутренней борьбой «вплоть до упадка духа». Наоборот, — ее спасла, восстановила, изливая на нее сокровище, иначе — «душу любящую» (14; 312), укрепляя, словно ангел в Гефсимании, готовя к будущему подвигу, пути, ведущему к распятию и мучке крестной, погребению. Как раз предвестием чему, предзнаменованьем явились деньги, выданные Грушенькой Ракитину, т.е. Иуде Симонову за предательство, которое случилось, как и в Евангелии, здесь же. А в дальнейшем продолжении сего в конце романа стало заявление Алеша, подобно таковому князя Мышкина в Швейцарии таким же детям, созданной им Церкви, о добровольном удалении с вершины гор, иначе — с Елеона, сада у его подошвы. Конкретно, в случае с Алешей — соответственно из парка минеральных вод неподалеку от Илюшиного камня⁵⁵, символической могилы умершего, как бы вознесенного отсюда⁵⁶ «в духе или славе Илии». А также — Самого Христа, чей образ Агнца он (этот мальчик) на себе несет⁵⁷, и вместе первомученика Стефана, недаром побитого кам-

нями возле Масличной горы⁵⁸, а в Старой Руссе — у церкви Вознесения⁵⁹.

Совсем другое место там, внизу, куда стремится младший Карамазов (названный в подготовительных материалах Идиотом — 15; 199, 202—205, 413—414), по-видимому, есть все то же петербургское болото. Или — социальный ад, который он хотел бы, как и Митя (и соответственно — князь Мышкин), без сомнения, спасти, пусть сначала лишь приобретая, наоборот, «двоящиеся мысли», бросаясь в эту пропасть «вниз головой и вверх пятаями», подобно старшему из братьев⁶⁰. И в результате — становясь тем «высшим даже сердцем человеком и с умом высоким»⁶¹, что с идеалом демоническим уже в душе, «содомским», не отрицает и другого, светлого — «Мадонны» (14; 100). Совсем напротив — только лишь себя в нем укрепляет, вновь представляя «твердым на всю жизнь бойцом». Однако, несмотря на все ошибки, колебания, сомнения, Алеша с неизбежностью, в конце концов, воскликнет: «Да будет все по Божьей воле, а не так, как я хочу!» (Ср. — Мф. 26:39). Причем не он один, но вместе с ним и остальные его братья: помимо Мити, без сомнения, уже согласно предсказанию и черта, например — Иван⁶², а также — Смердяков, который, собственно, есть тот же Влас⁶³. И это вследствие того, что только внешне братья Карамазовы — язычники, подобно Мите — «звери»⁶⁴, напоминая виденных тех четырех животных Иезекиилем, остановившихся не зря над Елеонскою горой (Иез. 1:4—10; 11:23). Как у последних, сущность их на самом деле все-таки совсем другая, ангелов⁶⁵, а не каких-то «гадов». В целом — у всего народа, который представляя тот же, словно в этом откровении, Скотопригоньевск, в себе несет и выражает истинную славу Божию, способную вослед Мессии победить и обновить весь мир⁶⁶, спасая всех вокруг, а сначала — самого себя⁶⁷, т.е. самих избранников в их неприглядном виде, или — «Карамазовых».

Примечания

¹ Начало см.: Достоевский и мировая культура. — № 25. — М., 2009.

² Одним из вероятных поводов к подобному сопоставлению обоих планов мог стать, по-видимому, — за исключением столь часто проводимых параллелей между Палестиной и Россией в книгах паломников в Святую землю — чертеж царевича Феодора земли московской. Вернее — сюжет, с

ним связанный в «Борисе Годунове» А.С. Пушкина, произведении, так сильно повлиявшем на замысел создания романа «Братья Карамазовы».

³ См.: Житие и хождение **игумена Даниила**... // Памятники литературы Древней Руси: XII век. — М., 1980. — С. 48, 49. (Названная книга хорошо была известна Достоевскому, который непосредственно о ней рассказывает в «Дневнике писателя» — 25; 214).

⁴ И кроме этого — расположению ворот или застав (из них важнейших, основных), как в том, так и другом из городов.

⁵ Еще и близкая ему по своему названию вдобавок (т.е. горе Масличной там здесь соответствует другая — Хлебная иначе — «в переводе»). Что же касается Косинского монастыря, то он был расположен рядом с городом, почти на том же расстоянии, как и обитель старца. Последнее дает возможность их отождествления друг с другом (сюда включая в качестве прообраза и Оптину, конечно, пустынь). (Более подробно см. об этом: **Рейнус Л.М.** Три адреса Ф.М. Достоевского. — Л., 1985. — С. 68; **Бурсов Б.И., Горышин Г.А.** Далекое — близкое // Литературная газета. — 1969. — 1 октября. — С. 8; а также нашу предыдущую статью).

⁶ Так же, как и он, лежавшего в болезни, переживая в собственном видении кончину мира и соответственно — свою же смерть перед дальнейшим с ним произошедшим воскресением из мертвых.

⁷ Свидетельством чему вдобавок служит факт прихода этой бабы к старцу за 3 дня до его будущей кончины, что соответствует явлению когда-то ангела, и в тот же срок, Богородице перед Ее Успением.

⁸ Не случайно о. Зосима тотчас же уходит, кланяясь и говоря: «Прощайте, милые, прощайте, дорогие», — прежде всего той, кого он называет «мать» (14; 49).

⁹ Путешествия в Святую Землю. — М.: Лепта, 1995. — С. 16; Памятники литературы Древней Руси: XII век. — С. 38, 633.

¹⁰ О чем собой напоминает и могила старца с именем Иона (или Иов) — в соответствии с гробницами пророков на Масличной горе.

¹¹ В том числе — и в высшем смысле (14; 358).

¹² Указывая на чудесные способности воскресшего Христова тела (30, I; 14), Достоевский, видимо, имел в виду и это.

¹³ Недаром в этом месте Верховенский-старший в «Бесах» перед своей кончиной вспоминает притчу о бесноватом из Гадаринской страны, сам себя уподобляя предводителю тех бесов, что вышли из него (из одержимого). И далее вселились в стадо пасущихся поблизости свиней, которые и бросились затем в пучину вод (того же моря в Библии, похожего на Ильмень-озеро). Вдобавок тут, на противоположном берегу, находится, согласно действию романа, как и в Евангелии, город Спасов (т.е. — Его город, а по-иному соответственно — Капернаум — Мф. 9:1).

¹⁴ А по-другому — в селе Буреге, но в соответствии с реальностью. (См. об этом: **Рейнус Л.М.** Ук. соч. — С. 69). Последнее к тому же предстает, как надо полагать, и в «Бесах», именуясь Хатовым и вследствие того собой характеризую весь крестьянский мир.

¹⁵ Гораздо более — чем Иудея, в ней — Иерусалим, что отрекается от самого себя, становится Скотопригоньевском в итоге, где совершается ужасное из преступлений «в темноте» — убийство на земле отца и соответственно, тем самым — Бога.

¹⁶ Тем более уподобляясь в данном случае — Христу, что накормил голодных в той же Галилее, преумножив хлебы, взятые Им у других. Как Митя — деньги, не свои, чужие, обратившиеся в три (т.е. удвоившись вдруг разом), а может быть, и в 20 тысяч, исходя из показаний всех (конкретно в каждом случае — тех или иных) свидетелей.

¹⁷ Вдобавок расположенной здесь рядом, возле Назарета.

¹⁸ Подобно таковому в «Преступлении и наказании»: как для тлетворной «вши» — процентщицы-старухи, так и, напротив, — для ее убийцы, «Лазаря-четверодневного». А в данном случае — для Мити (в его лице — для т.н. «царства Карамазовых», а по-другому — мира преходящего). И одновременно — для той, кто более других во всем повинен, или, таким образом, — для Грушеньки. Т.е. соответственно — для всей России в ее ветхом облике Скотопригоньевска, иначе — Старой Руссы^{17a} (чьим олицетворением, уже согласно имени, и предстает все та же названная героиня, в себе как будто заключающая всех рушан). Однако вслед за преодолением истлевших риз, личины «старой», отживающей «бабусеньки» (откуда этот образ-символ (14; 383), связанный с названием здесь упомянутого города?), исчезновением в душе у Грушеньки опять-таки процентщицы-старухи («злющей и зловредной бабы»), Скотопригоньевск, или вся Россия обратится — вместо Старой Руссы — в Новый Иерусалим.

^{17a} Которая с ее курортом есть ужасная лишь «дрянь» (29, I; 240, 250), на первый взгляд (хотя за этим, без сомнения, стоит совсем иное, столь притягательное, видимо, недаром для писателя).

¹⁹ Что выступает, в свою очередь, и как Галилея. Прежде всего, конечно, — благодаря видению Алеши, но не только, т.к. в названном скиту звучала когда-то проповедь, во многом схожая с Нагорной по своему характеру, ибо в ее основе лежат все те же заповеди блаженств. И среди них, к примеру, — о блаженных в нищете духовной, т.е. непричастных к мудрости «сего», столь пагубного века, в лице своей науки, всей цивилизации провозгласившего греховность истиной. От коей в искаженном ее виде нужно избавляться, и в основном, конечно, достигая блаженства «дара слезного», целуя землю, или обращаясь к своим первоистокам, к Целому. Во имя этого следует отринуть гордость, повергаясь ниц и становясь, напротив, кротким, не ищущим в противоборстве (классовом и личном) своего, всех примиряющим, безмерно милостивым к падшим (в противовес жестокому закону, государству, вновь — цивилизации, в которой прежняя история о Блудном сыне превращается в свою противоположность, как в случае с Ришаром), желая общего соединения.

²⁰ А в нем — недаром яблоня с дуплом, куда кладет поэтому не зря украденные деньги Смердяков. Чье преступление столь явно составляет продолжение самого первого греха (непослушания Небесному Отцу), влеку-

щего в дальнейшем за собой Его убийство, только в образе ином — родителя по плоти, вдобавок с целью овладеть наследством.

²¹ Последние им соответствуют вдобавок и характером своим. Марфа Игнатьевна, к примеру, — вследствие того, что постоянно занята хозяйством, в хлопотах не сознавая свой «таперича» и мужа высший долг. Тогда как пребывающая в праздности Мария Кондратьевна — совсем наоборот: своим вниманием к речам, но только не Спасителя, а некоего другого Жениха, Его прямой противоположности (иначе — «беса смрадного» под маской обходительности, благородства).

²² Или несчастный, падший и облеченный в рубище греха, всеобщего позора, словно Соня Мармеладова, к которой применяется как раз подобное из выражений (6; 14) ее отцом (через него иначе — ветхозаветным «старым Боженькой»).

²³ Как это делает, к примеру, Митя на суде по отношению к своему отцу, осознавая тяжесть на себе, всю глубину лежащих прегрешений.

²⁴ В своей душе вмещающая в том числе и демона, а по-другому — двойника, о чем буквально сказано в романе.

²⁵ Вследствие чего все «маловерные» (а среди них вдруг оказался «на какой-то миг» Алеша) столь неожиданно (и неизменно вместе с тем) «теряют веру».

²⁶ Который не приемлет поначалу сей стези, иначе — восприятия чужих грехов и наказания за них, что заключается уже в самом их смраде и гниении, собою разлагающем не только тело.

²⁷ Точней — украденных, тем самым еще более изобличая, таким образом, натуру прародителя по духу Смердякова, ибо вышеназванный, согласно Библии, был вором (Ин. 12:6).

²⁸ Как «от печали» — у апостолов (Лк. 22:45), а вслед за ними — только фигурально (впрочем, и буквально) — у Алеши.

²⁹ Вместе с тем, уже согласно имени и в соответствии с характером народа (по выражению Чацкого), — единственного «бодрствующего» среди остальных, не исключая даже лучшего из них, как было уже сказано, — Алеши.

³⁰ Изображая одновременно — чудесно исцеленного, напротив, слугу Малха, тем самым уступая роль апостола Петра борцу со злом, вооруженному заместо сабли — медным пестиком, — Мите Карамазову.

³¹ Согласно непосредственному смыслу — таковой фамилии, в романе выступающей как символ русского начала. (Определением которого является опять-таки евангельское выражение — «се человек», рожденный среди скота и уподобленный ему), согласно Мармеладову (6; 14—15), а по-другому — «зверь, но благородный», ибо «скверные мы и хорошие, и скверные и хорошие...» — 14; 397—398.)

³² О чем нам сообщила (на основе своих архивных изысканий) краевед Н.Л. Богданова (за что мы искренно ей выражаем благодарность).

³³ Чему противостоит всецело, несмотря на внутренние колебания, как у Христа когда-то в Гефсимании, Митя. А потому вослед апостолам на Еле-

оне, и в такой же яме (только лишь условной), сочиняет собственный свой символ веры: «если Бога с земли изгонят», утвердив всецело лишь законы физики и химии, Ему не оставляющие места как источнику любви, то «мы под землей Его встретим» (15; 31), тем самым выйдя за пределы земной истины, ее собою отрицая и утверждая новый мир (согласно, в том числе, — «категорическому императиву» Канта).

³⁴ Когда «один берется, а другой», напротив (тот или иной из братьев), — «оставляется» в случившееся, словно по Евангелию, «бегство» осенью. Иначе говоря, — среди жатвы (в прямом и переносном смысле), по окончании ее, и далее — «зимой» (или вернее — накануне). Предзнаменованьем всему подобному, «великой скорби предстоящего», какой и не было от самого «начала мира» даже и «доныне», явилась, как предвестие когда-то, смерть «беременной», хотя и не успевшей стать «питающей» «сосцами», — Лизаветы (Мф. 24:19—21, 40).

³⁵ Подобно отроку Давиду — собственным его мечом (вернее, таковым, но только в духе времени — железным пресс-папье).

³⁶ Во всяком случае — пытаюсь вызвать на дуэль и раздавить, как «черных тараканов».

³⁷ Здесь Достоевский, таким образом, соединяет две, столь подходящие друг другу притчи, к ним добавляя и другую: о богатом и его брате — бедном Лазаре, в данном случае — отцу Зосиме, живущем очень скромно, в добровольной нищете и в той обители, которая мечтает только лишь о крохах, подачках Карамазова-отца.

³⁸ Когда «один гад» вследствие того — «пожрет другую гадину».

³⁹ Как это, в частности, изображает у себя — паломник **Трифон Коробейников** (См.: Путешествие московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова // **Сахаров И.П.** Сказания русского народа. — Т. II. — Кн. 8. — СПб., 1849) и вместе с ним — **инок Парфений** в своей книге («Сказание о странствии и путешествии...». — М., 1856. — Ч. IV. — С. 45), в отличие от канонических Евангелий.

⁴⁰ А говоря иначе — будущую Церковь, на что указывает, в частности, собой не только лишь число 12 (по количеству собравшихся учеников), но также и 4 (соответствуя среди них главным действующим лицам, не исключая, в том числе, Илюши). Последнее число к тому же придает и мировой характер созданной в Скотопригоньевске Алешей Церкви; ее вселенский статус вместе с тем подчеркивает цифра 7 (именно столько называется имен учащихся гимназии в романе).

⁴¹ Поскольку — «истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас» (т.е. книжников, первосвященников, старейшин, фарисеев, внешне благородных, образованных, премудрых) «идут в Царство Божие. Ибо пришел к вам Иоанн» (или Предтеча^{40а}, вслед за ним — Христос^{40б}), «и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему» (Мф. 21:31—32) (в романе «Братья Карамазовы», к примеру, Федор Павлович и Грушенька: в отличие все также от Ивана и вместе с ним — Миусова, Ракитина).

^{40a} Конкретно, в данном случае — отец Зосима, живущий в Иоанно-Предтеченском скиту (последний может быть так назван, исходя из параллелей с существующей реальностью, расположением вблизи от Оптиной обители такого же скита).

^{40b} Отображением Которого является Алеша, благословляемый на крестный путь своим предшественником, старцем.

⁴² Что начинается в Москве, однако, на Петровке, где не случайно «сын Смердящей», «вонючий хам, лакей» хотел бы завести свой ресторан, иначе — «мерзость перед Богом». (Или, по сути дела — капище, храм плоти, каким является в Скотопригоньевске трактир «Столичный город» и лавка Плотникова, например.)

⁴³ Или той «злющей бабе», что не захотела свою «луковку» отдать другим, иначе говоря — «талант»: во имя обращения его, преумножения, — и ради этого, как в притче о зерне, вдобавок умереть в пучине ада.

⁴⁴ По сей причине так и не посмеявшийся сокрушить одним ударом мировое зло в лице своего отца, иначе — «ветхого», а по-другому — «прежнего», как это называл Кириллов, Бога.

⁴⁵ Чего не допускает никогда наука, здравый смысл, «эвклидовский», лежащий в их основе разум^{44a}, с позиций коего и судит в данном случае Иван, все это объявляя в лучшем случае лишь глупой сказкой^{44b}, выдумкой^{44b}, а может быть, — и злобным умыслом Христа. За что Его он приговаривает как еретика или опасного безумца к поруганию и смерти (здесь выступая вновь в одном лице как представитель Католической, Ветхозаветной Церкви и одновременно всей западной цивилизации).

^{44a} С его «коротенькими мыслями» и фразами, похожими на приговор и стены заключения, собою ограничивая только и убивая оттого — «живую жизнь».

^{44b} Хотя Господь сказал, что «может из камней» «воздвигнуть» для Себя детей и Аврааму (Мф. 3:9). О чем свидетельствует сцена символически (или почти буквально) в окончании романа.

^{44b} В угоду — своим плотоядным интересам, «гастрономическому» свойству европейского ума, желая пожирать всех «малых сих», т.е. детей, «больших и маленьких». (Как это делает, к примеру, Лиза Хохлакова в собственных мечтах.)

⁴⁶ Подчеркивая этим происхождение любого человека — «из миров иных», дающее ему возможность достигнуть совершенства идеала собственным усилием (ибо «отныне Царство Божие берется силой»), но лишь не прерывая связи со своим первоисточком.

⁴⁷ И в этом Митя также следует Христу, поскольку не случайно, как утверждает А.Н. Муравьев, «Его молитва “Отче наш” есть отголосок собственных молитв» (Муравьев А.Н. Путешествие ко святым местам в 1830 году. — Ч. II. — СПб., 1835. — С. 151).

⁴⁸ Что отражает суть т.н. «русского решения вопроса», в том числе и в запредельной сфере, в вечности, где не должно быть райского блаженства только для одних, ничтожной части, меньшинства (^{1/10}-ой, напри-

мер) и адских мук, напротив, — для других (огромного и подавляющего большинства).

⁴⁹ Осуществлением чего является пророчество, к примеру, Мармеладова, произнесенное по вдохновению в романе «Преступление и наказание» (и вместе с тем предзнаменованием тому, — конечно же, апокриф, не зря столь любимый на Руси, «Хождение Богородицы по мукам»).

⁵⁰ На ком лежит, столь несомненно, отблеск явленного некогда Мессии, Чей первый день в Евангелии от Иоанна, по сути связан был с исходом в мир для проповеди истины, согласно повелению Небесного Отца (для Одного) или духовного, в себе несущего отображение Всевышнего (напротив, — для другого). А далее, вновь уподобленный Христу Алеша так же, как и Он, на следующий день встречает своих будущих учеников, и в третий — вместе с Ним становится участником (но только лишь на небесах) устроенного пира в Кане Галилейской. (Такой подход возможно объяснить намерениями автора создать жизнеописание Христа, что в претворенном виде он и воплотил в романе «Братья Карамазовы».)

⁵¹ Подобное отождествление возможно на основе сравнения Евангелий: Мф. 26:6—13 (Мк. 14:3—9) — Лк. 7:40—50.

⁵² Вполне возможно, именно сюда тот и свернул впоследствии (как, впрочем, может быть, и в Чертовую улицу), оставив одного Алешу посреди дороги.

⁵³ Вдобавок такое сходство придает указанному месту и расположенное рядом городское кладбище, где похоронена была София Ивановна, определенно на себе несущая и отражающая образ Богоматери.

⁵⁴ В отличие — от первоисточника (Ин. 12:1—9).

⁵⁵ Соединение ее с другой Марией, сестрой Марфы и Лазаря, не противоречит существующей традиции (хотя бы в основном и католической) церковного предания.

⁵⁶ Здесь расположенного, словно в Гефсимании. Поэтому пред ним происходило ранее по сути, надо полагать, «моление о чаше»: собственно, звучала слезная, отчаянная просьба сына к своему отцу прервать весь этот ужас и позор, что неизбежно должен привести к трагедии, если не силой (т.к. умалился, из кротости стал слишком слабым прежний безупречный воин, или Всемогущий Боженька), то вследствие того — хотя бы бегством. Так же, как и некогда — Христос во времена гонений, о чем напоминает в данном случае собой штабс-капитан, сидящий в горестном раздумье, будто Названный в пустыне Иудейской на таком же камне, сразу за Вифанией. А тут — среди пастбища, «в пустынной и прекрасной» местности за собственным «селением», т.е. почти предместьем, сходным с вышеупомянутым в окрестностях Иерусалима. (Куда любил так приходить Спаситель, а в романе, следуя Ему, в подобное семейство, как у Лазаря^{55a}, — Алеша.)

^{55a} А им является не только лишь отец, но вместе с тем и сын, покрытый внешне грязью, в том числе в буквальном, не говоря уже о переносном смысле. Здесь приведенное сравнение к тому же дополняют две сестры: одна решительная, деловая, занятая в основном хозяйством, и другая, сла-

бая, смиренная, всецело преданная лишь молитве, Слову Божию, или общению с Всевышним. Первую из них, когда она уехала обратно в Петербург, собою заменяет сам глава семьи, бросаясь, будто бы к Спасителю, но в данном случае лишь по ошибке, к Его неверному и ложному подобию — Коле Красоткину, почти что говоря: «Если бы ты был здесь, то не умирал бы сын мой, как теперь!» (Ср. — Ин. 11:21) — в итоге соответственно добившись лишь обратного. Но чудо все-таки произошло — со стороны носителя действительного образа Мессии, в этом качестве и возвестившего о воскресении новопреставленного в Царствии Небесном, т.е. ином и лучшем мире, где все мы встретимся по окончании времен. Или уже — сейчас, но «в духе» — с тем же Лазарем-четверодневным на пиру в Вифании (Ин. 12:1—2), точнее — в доме Снегиревых во время поминальной трапезы с блинами, рыбою, иначе — символом причастия, а значит — и Небесного Владыки и Царя. (Или тем самым — Жениха, идущего навстречу своей избранной невесте — Церкви, как и в видении Алеши о небесном пире в Кане Галилейской. Последнее из обстоятельств придает всей местности вокруг характер названной страны, при том, что в целом весь Скотопригоньевск составляет отражение ее, вернее — Назарета в ней.)

⁵⁷ Согласно той картине — из «Подростка», где изображен погибший мальчик на реке, у переправы, подле городского сада и бульвара, куда летят с небес, т.е. опять на Елеон, встречающие ангелы^{56a}. А по-другому — вместо них — луч света, или славы Божией иначе.

^{56a} Которых заменяют в «Братьях Карамазовых» воробушки.

⁵⁸ Недаром тут же рядом с его домом упоминается и городское пастбище, поскольку в Гефсимании, как сообщает А.С. Норов в своей книге, паслись стада из жертвенных животных. (Норов А.С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. — СПб., 1844. — С. 285).

⁵⁹ Точнее — у большого камня, и погребенного невдалеке, почти что около него.

⁶⁰ Дополнительное сходство этой церкви (расположенной на возвышении — «мажоре»^{59a}) с Елеоном придает то обстоятельство, что здесь, по видимому, похоронена была юродивая Лизавета, на себе несущая, столь несомненно, в духовном смысле — отблеск Богоматери и упокоенная вследствие того, как надо полагать, близ алтаря придельной церкви Рождества Пречистой Девы. (Поэтому не зря брат Митя, пробежавший в темноте близ такового храма, именуемого Дмитриевским вместе с тем, не только Вознесенским, среди своих спасителей в дальнейшем называл, помимо ангела-хранителя, вернее — покровителя, еще и собственную мать, через нее — все ту же Богородицу.)

^{59a} Название упоминаемого места сохранилось и поныне.

⁶¹ О чем тот прямо намекает по поводу Алеши, а он, в свою очередь, лишь подтверждает это (14; 99—101).

⁶² Т.е. представителем цивилизации, или строителем извечно повторяющейся Вавилонской башни, где были и свои сады (воссозданные далее Семирамидой) — с их изобилием плодов земных и прочих яств, как в лав-

ке Плотникова, например, собой напоминающей поэтому Эдем и отражение его в Иерусалиме — Елеон.

⁶³ Кто неминуемо и вопреки себе, казалось бы, — «потащится в пустыню мед и акриды кушать» (оправдывая этим свое имя, как нарицательное вообще для всех живущих на Руси людей). А потому и путь его лежит, по видимому, словно у Алешы, через Иоанно-Предтеченский, или в соответствии с романом — скит отца Зосимы, здесь находя утраченный источник «живой жизни», о чем свидетельствует имя скончавшегося старца (Зосима — по-гречески — «жизненный»).

⁶⁴ И даже нечто, надо полагать, — превосходящее, чем он, поскольку смог — в отличие от названного (или своих прочих братьев) — кинуться в открывшуюся бездну^{63a}, из которой безусловно, как и при рождении своем, вновь явится, тем большее, в конечном счете, принеся, по-видимому, покаяние.

^{63a} «Сойдя с ума», подобно, например, — Алеше. В том числе — и от «божественного» (15; 361), словно он (т.е. в данном случае — неправильно толкуя).

⁶⁵ А по-другому — демоны и бесы, но лишь опять-таки — на первый взгляд. Указанную здесь неоднозначность также подтверждает, например, собой, всей своей сложностью души, вдобавок наделенная и характерным именем Варвара — старшая из дочерей штабс-капитана Снегирева, по виду одержимая нечистым духом отрицания, иначе — нигилистка, а внутри — наоборот, исполненная света и добра.

⁶⁶ Или апостолов-евангелистов, составляющих основу Церкви, истинно существующей и нарождающейся снова.

⁶⁷ В Тысячелетнем Царствии Христа. Иначе — там, где «истина возникнет из земли, и правда», двигаясь навстречу ей, опережая, без сомнения, «приникнет» оттого «с небес» (Пс. 84:12).

⁶⁸ Осуществляя заповедь: «Врачу», прежде всего, конечно, исцели свой собственный недуг (Лк. 4:23), — к чему неоднократно призывал и Достоевский.